

0-787261

На правах рукописи

УДК 81.373

Загребельный Артур Владимирович

**ЛЕКСИКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XX В.
В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ
АСПЕКТАХ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

✓

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Вологда – 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук
профессор
Судаков Гурий Васильевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор
Никитин Олег Викторович

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000675912

доктор филологических наук
доцент
Приемышева Марина Николаевна

Ведущая организация: Северодвинский филиал ГОУ ВПО
«Поморский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Защита состоится «7» декабря 2010 г. в 11⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета КМ 212.031.03 в Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160000, г. Вологда, пр. Победы 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 28 октябре 2010 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук доцент

Л.Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию лексики общественно-политической сферы русского языка периода 1900 – 1917 годов. Напряжённая общественно-политическая борьба в России в этот период актуализировала и утвердила в тезаурусе некоторые новые наименования форм государственного и общественного устройства, субъекта верховной государственной власти, новых демократических прав и свобод человека в России, названия представительных органов власти, системы выборов власти в государстве и др.

Актуальность исследования обусловлена экстралингвистической значимостью объекта исследования, так как общественно-политическая лексика (ОПЛ) играет, несомненно, огромную роль в политической жизни общества. Следует отметить также и недостаточную разработанность данного вопроса в трудах, посвящённых изучению общественно-политической лексики и терминологии. Начиная со второй половины XX века вышло в свет незначительное количество работ, так или иначе посвящённых изучению лексики общественно-политической сферы русского языка дореволюционного периода. В одних из них предметом исследования являлась только ОПЛ Российской социал-демократической рабочей партии за период с 1900 по 1917 г. [см., например, труды А.Л. Голованевского, С.А. Воронковой и др.], в других – отдельные вопросы изучения языка политической сферы [например, работы К.В. Зуева, В.В. Шмельниковой и др.] Таким образом, в современной лингвистике отсутствуют исследования, в которых анализировалась бы лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. Неисследованным является и язык документов оппозиционных, правых политических партий и организаций России начала XX века.

Выявление и систематизация лексики общественно-политической сферы русского языка дореволюционного периода в сочетании с функционально-семантическим и культурно-историческим анализом позволяет исследовать ранее не изученный, исторически дистанцированный отрезок языковой действительности, даёт возможность обогатить наши представления о лексическом составе рассматриваемых тематических групп. К тому же результаты подобного исследования важны не только в плане изучения синхронного среза ОПЛ, но и в отношении диахронического анализа данной лексики, так как вся современная лексика общественно-политической сферы является результатом длительного процесса развития подсистемы лексики общественно-политической сферы русского языка в целом.

Под подсистемой ОПЛ русского языка в нашем исследовании понимается совокупность лексических единиц, характеризующихся (при отсутствии соотнесения со специальными понятиями) наличием исконных или приобретённых идеологизированных микрокомпонентов значения, находящихся между собой в различных отношениях и связях (синтагматических, парадигматических, иерархических и т. д.).

Подсистема общественно-политической терминологии (ОПТ) определяется нами как совокупность лексических единиц, номинативно специализированных на объективацию средствами языкового кода различного рода явлений, отношений, событий общественно-политической жизни общества, находящихся между собой в различных системных отношениях (синтагматических, парадигматических, иерархических и т. д.).

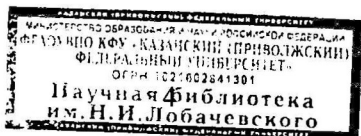
Под лексическим подмножеством нами понимается совокупность лексических единиц, выделяемая на основании структурной или семантической общности (например, лексическое подмножество с компонентом «царь», лексическое подмножество с компонентом «государь» и т. д.).

Объектом данного исследования являются слова и составные наименования, обслуживающие сферу общественно-политической жизни общества. В данном диссертационном исследовании мы рассматриваем общественно-политическую лексику и терминологию следующих тематических групп: 1) наименования форм государственного устройства, 2) наименования форм общественного устройства, 3) наименования субъекта верховной государственной власти. Отличительной особенностью выполненной работы является анализ ОПЛ и ОПТ в политическом дискурсе нового типа (в устной речи). Данный тип дискурса не существовал до появления Государственной думы. **Предметом** исследования является семантика и функционирование лексем общественно-политической сферы.

В используемых источниках методом сплошной выборки были выделены 125 лексических единиц, именующих понятия общественно-политической сферы (общее количество употреблений – 2000 единиц).

Целью настоящей работы является описание общественно-политической лексики и терминологии русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

1. Выявить корпус лексических единиц, обслуживающих общественно-политическую сферу деятельности в русском языке начала XX века.

2. Описать семантическую структуру ведущих наименований, выражающих основные понятия общественно-политической сферы деятельности.

3. Выявить особенности бытования терминов, терминологических сочетаний и лексем общественно-политической сферы в текстах различного жанра.

4. Исследовать состав рассматриваемых тематических групп лексики на предмет наличия лексических подмножеств, выявить и охарактеризовать внутригрупповые связи и отношения лексем.

5. Выявить экстралингвистические факторы, обусловившие активные процессы изменений в лексике общественно-политической сферы русского языка начала XX века.

6. Определить основные черты подсистемы общественно-политической лексики русского языка рассматриваемого периода, сформировавшиеся в результате воздействия внеязыковых факторов.

7. Определить характер влияния языка общественно-политической сферы на развитие общества в период с 1900 по 1917 г.

8. Установить взаимосвязь между социальной саморепрезентацией той или иной политической организации и используемой ею общественно-политической лексикой.

Реализация стоящих перед нами задач осуществлялась с помощью следующих методов и приёмов: описательного и сравнительно-сопоставительного методов, включающих в себя приёмы компонентного, контекстуального анализа, а также анализа словарных дефиниций.

Научная новизна работы заключается в следующем:

– в научный оборот вводятся новые источники изучения лексического состава русского языка рассматриваемого временного периода – общественно-политическая периодическая сатирическая печать, специальная литература, отражающая результаты политической деятельности партий, организаций и союзов;

– в работе анализируется большое количество лексических единиц, ранее не привлекавших внимания исследователей;

– исследуются особенности функционирования и организации тематических групп общественно-политической лексики;

– впервые с позиций исторической лексикологии было проведено исследование не изученной до этого времени лексики и терминологии общественно-политической сферы в русском языке начала XX века.

Источники, послужившие основой анализа, делятся на несколько групп.

1. Приоритетными для нашего исследования являются источники, относимые к специальной литературе: различные документы политических партий и организаций (воззвания, обращения, программы,

открытые письма, манифесты, стенографические отчёты выступлений депутатов в Государственной думе и т. д.), отчёты полицейских управлений о деятельности тех или иных партий и некоторые другие документы. Так, в частности, впервые анализируется лексика документов следующих политических партий: Партии правого порядка, Русского народного союза имени Михаила Архангела, Союза русского народа, Радикальной партии, Трудовой партии, Демократического союза конституционалистов. Многие из подобных документов являются по своей сути нормативными и кодифицированными (например, манифесты царя Николая II, постановления центральных комитетов партий и т. д.). Анализ подобных источников позволяет исследователю установить, какие именно лексические средства выражения, терминологические наименования считались предпочтительными в тех или иных политических кругах.

В целом же преимущественно в нашем исследовании анализировалась общественно-политическая лексика документов следующих партий: Партии социалистов-революционеров, Российской социал-демократической рабочей партии, Народно-социалистической партии, Русского народного союза имени Михаила Архангела, Союза русского народа, Конституционно-демократической партии, Партии мирного обновления, Партии демократических реформ, Союза 17 октября.

Таким образом, обращение к специальным текстам позволяет уточнить состав лексики политической сферы деятельности, семантическое содержание многих терминов и особенности их функционирования.

2. Другим видом источников являются периодические издания; в нашем случае – газеты и журналы (в частности, общественно-политической сатиры). Первой на любые изменения в обществе откликается периодическая печать. Именно она наиболее чутко реагирует на преобразования в лексической системе языка, подхватывает нововведения. Обращение к данной группе источников позволяет вести анализ «живого» употребления общественно-политических лексем и терминов. Следует также отметить, что большинство из подобных новообразований словарями вообще не фиксировалось.

3. Также нами использовались такие неспециальные источники, как мемуары и воспоминания политических деятелей. Не являясь приоритетными для нашего диссертационного исследования, рассматриваемые источники позволяют расширить границы проводимой работы, сделать анализ отобранных единиц более полным.

4. Последнюю группу привлечённых нами источников составляют словари (использовались как словари начала XX века, так и современные

лексикографические продукты, построенные на корпусе текстов XI – начала XX века).

Положения, выносимые на защиту:

1. Социальная напряжённость начала XX века обусловила перестройку общественно-политической терминологии (ОПТ) и лексики. Сложная общественно-политическая ситуация определяла особенности функционирования выявленных наименований. Язык политической сферы жизни общества в дореволюционной России стал орудием пропаганды политических идей различных партий.

2. К специфическим чертам бытования исследованных наименований относится идеологически детерминированный отбор тех или иных языковых средств членами различных партий. Правильно донести информацию до потенциальных сторонников означало обрести дополнительную политическую силу и тем самым укрепить своё положение на политической арене. Выбор тех или иных языковых средств, в свою очередь, определялся двумя факторами: 1) идеологическими установками конкретной партии и 2) составом потенциального электората. Так, крайне правые монархистские партии и отчасти партии центра делали ставку на использование исконно русских общественно-политических лексем и терминов с прозрачной внутренней формой (таким образом они подчёркивали консерватизм своих взглядов); для левых политических организаций различного толка было характерным употребление новых, преимущественно заимствованных, терминов и лексем с также прозрачной внутренней формой.

3. Лексика проанализированных тематических групп представляет собой совокупность системно-организованных лексических подмножеств, входящих в состав подсистем общественно-политической терминологии и лексики русского языка периода 1900 – 1917 годов.

4. Общая специфика бытования общественно-политической лексемы состоит в детерминации дополнительных созначений идеологическими установками конкретных партий. На практике это означает варьирование семного состава коннотативного макрокомпонента значения, вызванное различным восприятием понятийного наполнения конкретного наименования. То есть одно и то же слово зачастую приобретало противоположные коннотации в документах противоборствующих политических партий.

5. Активное влияние экстралингвистических факторов на язык в начале XX века способствовало появлению разнообразных терминологических и общественно-политических лексических новообразований. Новые термины и лексемы могли формироваться в результате следующих процессов: 1) переосмысления уже существовавших общественно-политических наименований (*народный*

цезаризм, царь-освободитель); 2) проведения в жизнь языковой политики определённой политической силы (например, члены Русского Народного Союза имени Михаила Архангела употребляли такие нетерминологические составные наименования, как *верховный хозяин всей земли русской, создатель самой Государственной Думы* и др.); 3) актуализации ранее заимствованного общественно-политического наименования (например, слово *режим*).

6. Детерминологизация как процесс потери лексемой номинативной специализации (а также других свойств термина) и перехода из подсистемы ОПТ в подсистему ОПЛ был особенно характерен для лексики русского языка начала XX века. В русском языке дореволюционного периода подсистема ОПЛ характеризовалась высокой степенью подвижности. По большей части именно благодаря её единицам осуществлялось воздействие на народные массы и манипулирование сознанием людей. Всплеск социальной напряженности начала XX века оказал значительное влияние на состав ОПТ. Большое количество выявленных случаев детерминологизации свидетельствует о начале качественной перестройки подсистемы общественно-политической терминологии.

7. В ходе проведённого исследования была выявлена прямая зависимость между семантической структурой конкретного наименования, сферой его употребления, выполняемыми им функциями, его статусом и характером присущих ему системных отношений.

Практическая значимость исследования заключается, на наш взгляд, в том, что его результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении лексики и терминологии общественно-политической сферы, в общих работах по исторической лексикологии и терминологии. Материалы работы могут послужить базой для создания словаря общественно-политической лексики и терминологии русского языка периода второй половины XIX в. – первых десятилетий (до 1917 г.) XX в.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в докладах на III Всероссийской научной конференции «Русский язык XIX века: эпоха новаций в русской языковой культуре» (Санкт-Петербург, 2008); Всероссийской научно-практической конференции «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (Вологда, 2008); Ежегодной сессии молодых учёных и аспирантов (Вологда, 2008); Всероссийской научно-практической конференции «Молодые исследователи – регионам» (Вологда, 2008); Международной конференции «IV Международные Бодуэновские чтения» (Казань, 2009); Восьмой всероссийской научно-технической конференции «Вузовская

наука – региону» (Вологда, 2010); XXXIX Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 2010).

По теме диссертационного исследования написаны 6 статей общим объёмом 2,45 печатного листа. Две статьи опубликованы в изданиях списка ВАК.

Структура работы обусловлена целью и основными задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных сокращений, семи приложений и списка использованной литературы, включающего 418 наименований, в том числе справочные издания и словари эпохи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности темы диссертации, ее научной новизны, теоретической и практической значимости. Определяется цель исследования, формулируются задачи работы, положения, выносимые на защиту, кратко характеризуются источники исследования и их хронологические рамки, указываются методы описания материала, содержатся сведения об апробации работы.

Глава первая «Теоретические предпосылки исследования общественно-политической лексики» посвящена проблемам изучения ОПЛ и ОПТ.

В *первом параграфе* рассматриваются проблемы выделения группировок в лексической системе языка, а также вопросы их изучения, обозначены основные подходы к дифференциации тематических групп (ТГ), лексико-семантических групп (ЛСГ), синонимических рядов (СР) и антонимических пар (АП). Разграничение вышеуказанных группировок осуществляется с опорой на труды Ф.П. Филина, А.А. Уфимцевой, В.И. Кодухова, А.Е. Бертельс, Э.В. Кузнецовой, И.С. Куликовой, А.Г. Липатова, В.Н. Прохоровой и других исследователей. Таким образом, под ТГ нами понимается совокупность ЛЕ, в основе выделения которой лежит общая для данных единиц типовая ситуация или тема. При разграничении тематической группы и других системно-структурных образований следует, в первую очередь, учитывать критерии языковой / внеязыковой обусловленности связей между элементами структуры. Так, для ТГ характерна экстралингвистическая основа связи её элементов. Под ЛСГ нами понимается совокупность лексем «в одном или нескольких значениях из числа относящихся к одной части речи, имеющих общие категориальные, валентные, а иногда – и деривационные признаки, находящихся в определённых логико-семантических и семантических отношениях: родовидовых, синонимических, антонимических и т. п.» [Судаков 1985: 81].

Также обоснована необходимость использования тематического подхода к репрезентации и анализу материала. Выбор данного подхода в целом обусловлен самим предметом исследования. Лексемы общественно-политической сферы объединяются в различные лексические группировки и подмножества согласно тематической общности соответствующих (именуемых данными лексемами) экстралингвистических коррелятов (предметов, объектов, абстрактных понятий общественно-политической сферы жизни общества). Помимо прочего, объединение лексем по принципу понятийной общности носит естественный характер. ТГ – это объективно существующее в языковой системе образование в отличие от ЛСГ, представляющей собой своеобразный «исследовательский конструкт», являющейся продуктом научно-исследовательской деятельности лингвиста-лексиколога.

Отдельным вопросом при исследовании группировок в лексической системе языка является проблема выбора соответствующих методов изучения. Использование того или иного метода анализа определяется спецификой рассматриваемого объекта. Как известно, лексемы в языке объединяются в группы на основании наличия интегральных и дифференциальных признаков. Данные признаки, в свою очередь, объективированы соответствующими денотативными и коннотативными микрокомпонентами значения. Таким образом, выявить наличие каких-либо группировок в лексической системе языка представляется возможным при использовании методов лингвистического анализа, направленных на раскрытие содержательной («внутренней») стороны конкретной лексемы. В нашем случае используются методы компонентного анализа, анализа словарных дефиниций и метод контекстуального анализа.

Во *втором параграфе* исследуются вопросы изучения общественно-политической лексики как системно организованного множества. Разграничиваются подсистемы ОПЛ и ОПТ. Рассматриваются вопросы функциональной и семантической неоднородности общественно-политической терминологии и общественно-политической лексики, проблемы дифференциации логической и эмоциональной оценки, вопросы структуры значения общественно-политического термина и лексемы.

Так, по мнению Т.Б. Крючковой, общественно-политическая лексика и общественно-политическая терминология представляют собой две самостоятельные, обособленные подсистемы, единицы которых, несмотря на нередкие совпадения в плане выражения, отличаются друг от друга как в семантике, так и в выполняемых функциях.

Лексика общественно-политической сферы особо зависима от социальных факторов. В связи с этим в работе анализируются труды А.М. Селищева, В.В. Виноградова, С.И. Карцевского, Р.О. Якобсона,

Е.Д. Поливанова и других лингвистов, занимавшихся исследованием проблем социальной детерминации языковой структуры.

В зарубежной лингвистике фундаментальные работы в области изучения ОПЛ стали появляться начиная со второй половины XX века (см. труды Р.М. Блакара, П. Сериво, Т.А. ван Дейка, В. Кинча и др.).

В современном языкознании политическая лексика выступает также в качестве объекта исследования в отдельной отрасли знания – политической лингвистике (например, работы А.П. Чудинова, Э.В. Будаева, А.Н. Баранова, О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулова, М.В. Китайгородской, О.Н. Паршиной, П.Б. Паршина, О.Г. Ревзина и др.).

По своему составу терминология общественно-политической сферы крайне неоднородна. В составе ОПТ выделяется узкоспециальная терминология, известная лишь небольшому кругу специалистов, и терминология общеизвестная, широко используемая в СМИ, устной речи населения, документах политических партий и т. д.

Единица анализа идентифицируется как общественно-политический термин в случае соответствия следующим критериям: 1) функционирование в специальном тексте (политические программы, манифесты, открытые письма, воззвания и т. д.); 2) наличие идеологизированности; 3) выполнение дефинитивной функции в тексте; 4) номинативная специализация на объективацию конкретного понятия в рамках отдельной отрасли знания.

Широкая градация взглядов учёных на проблемы исследования ОПЛ и ОПТ явилась причиной отсутствия общепризнанных определений общественно-политической лексики и общественно-политической терминологии (см. труды В.Н. Туркина, Т.С. Коготковой, Т.Б. Крючковой, И.Ф. Протченко, В.М. Лейчика и др.).

Общественно-политическая лексика является частью словаря общелитературного языка, лексические и фразеологические единицы которого, не имея абсолютного соотношения со специальными понятиями, характеризуются наличием исконных или приобретённых идеологизированных микрокомпонентов значения.

Общественно-политическая терминология представляет собой особую подсистему лексики литературного языка, единицы которой номинативно специализированы на объективацию средствами языкового кода различного рода явлений, отношений, событий общественно-политической жизни общества.

Структура значения общественно-политического термина (либо терминологического сочетания) не полностью соответствует структуре значения лексемы общелитературного языка, в его составе выделяется только один макрокомпонент – денотативный. Наличие коннотаций переводит термин в разряд общеупотребительной лексики.

В структуре значения лексемы разграничивается понятийная оценка, локализуемая в околожерной части денотативного макрокомпонента и являющаяся результатом логического суждения о ценности предмета номинации, и эмоциональная оценка, входящая в состав коннотативного блока значения.

Контекст оказывает значительное влияние на функционирование ОПЛ и ОПТ, приводит к изменениям в семантике анализируемых единиц (а в соответствии с этим – и к контекстуально детерминированным изменениям системных связей лексем).

В *третьем параграфе* рассматриваются общие проблемы изучения терминов в лексической системе языка. В частности, исследуется проблема сущности термина, характера его соотношения со словом.

Также исследуется проблема системных отношений в терминологии. Так, в частности, вопрос о синонимии в терминологии решается неоднозначно. В составе общественно-политической терминологии мы выделяем термины-дублиеты, выражающие идентичные значения, и квазисинонимы, характеризующиеся наличием дифференциаций в значениях.

Во второй главе «Семантика и функционирование наименований форм государственного и общественного устройства в русском языке начала XX века» анализируются лексемы и термины общественно-политической сферы деятельности, используемые для именованя различных форм государственного и общественного устройства. Исследование выявленных наименований осуществляется в рамках функционально-семантического подхода.

В *параграфе 2.1.* рассматриваются наименования форм государственного устройства, выделяются родовые (*пункт 2.1.1.*) и видовые (*пункт 2.1.2.*) наименования. В ходе проведенного анализа в составе гипонимов были выявлены три лексических подмножества: наименования форм монархического государственного устройства (*подпункт 2.1.2.1.*), наименования недемократических форм государственного устройства (*подпункт 2.1.2.2.*) и наименования форм демократического государственного устройства (*подпункт 2.1.2.3.*).

В *параграфе 2.2.* анализируются наименования форм общественного устройства, также выделяются родовые (*пункт 2.2.1.*) и видовые (*пункт 2.2.2.*) наименования. В составе видовых наименований были выявлены два лексических подмножества: наименования форм капиталистического общественного устройства (*подпункт 2.2.2.1.*) и наименования форм социалистического общественного устройства (*подпункт 2.2.2.2.*).

Отдельно в рамках данной главы рассматриваются системные отношения исследуемых единиц (*пункты 2.1.3.* и *2.2.3.*).

В целом же в составе ТГ «Наименования форм государственного устройства» выявлено 26 общественно-политических терминов и 17 общественно-политических лексем.

В составе ТГ «Наименования форм общественного устройства» выявлено 6 общественно-политических терминов и составных терминологических наименований и 7 общественно-политических лексем.

Большинство рассмотренных лексем по своему происхождению являются детерминологизированными наименованиями.

Состав ОПЛ и ОПТ с формальной стороны может совпадать, то есть одна и та же единица при употреблении в текстах разного жанра может квалифицироваться то как термин, то как общественно-политическая лексема. Причина подобной «двойственной» природы анализируемых наименований кроется в динамике лексико-семантической системы языка, когда границы между различными подсистемами весьма подвижны вследствие постоянно происходящих процессов терминологизации и детерминологизации.

Проведённый анализ показал, что имел место идеологически обоснованный отбор языковых средств членами политических партий. Язык политической сферы – это, прежде всего, мощное средство пропаганды определённых политических идей и воззрений, это средство, позволяющее манипулировать сознанием народных масс, агитировать их на ту или иную деятельность.

Члены противоборствующих политических партий тщательно отбирали используемую терминологию. Критериями отбора служили следующие основные принципы: 1) терминология должна быть доступна для понимания потенциальными сторонниками; 2) план выражения используемых единиц должен соответствовать характеру идеологических установок (консервативных или прогрессивных).

В дореволюционной России выделялось три крупных блока политических организаций: правые партии, отстаивавшие сохранение неограниченного самодержавия, центристские партии, ратовавшие за установление конституционно-монархического строя и левые партии, настаивавшие на кардинальной смене общественно-политического строя.

Монархистские партии и партии центра акцентировали внимание потенциальных сторонников на принципе единства царя, церкви, отечества и народа. Явно славянофильские корни и крайний консерватизм своих взглядов члены данных партий демонстрировали путём использования исконно русских общественно-политических терминов и лексем с прозрачной внутренней формой (например, *самодержавие, монархия*).

Левые партии различного толка (от умеренно социалистических до радикально-революционных) старались демонстрировать прогрессивность

своих идей, употребляя новые, преимущественно заимствованные, термины и лексемы с также прозрачной внутренней формой (например, *царизм, режим, буржуазно-капиталистический строй*).

Анализ функционирования рассмотренных терминов и лексем позволяет говорить об амбивалентности семного состава коннотативного макрокомпонента значения исследованных единиц. Сущность данного явления состоит в контекстуальной детерминации коннотативных микрокомпонентов значения того или иного слова.

Контекстуальная семантическая амбивалентность носит в большинстве случаев регулярный характер. Её причина кроется в варьировании понимания одной и той же лексемы представителями противоборствующих политических лагерей.

Частным случаем контекстуальной семантической амбивалентности является актуализация отрицательных / положительных микрокомпонентов в структуре изначально нейтрального коннотативного блока значения общественно-политического термина (в этом случае происходит детерминологизация) либо лексемы. Например, слово *республика* в дневниковых записях З.Н. Гиппиус (*Воистину «торгово-продажная» республика, — защищаемая одурелыми солдатами — рабами* [366]) и в программе Русского народного союза им. Михаила Архангела (...<...>... *сила этой власти (самодержавия. — А.З.) подрывалась и подрывается поныне врагами этой власти, желающими или вовсе низложить её (стремясь к республике), или ограничить её (конституцией)* [282: 375]).

Проведённый функционально-семантический анализ наименований рассмотренных тематических групп позволяет говорить о функционировании обособленных подсистем ОПТ и ОПЛ. Терминология начала XX века своими корнями восходит к общественно-политической публицистике Герцена, Огарёва и других писателей XIX века.

Подсистемы общественно-политической лексики и терминологии русского языка начала XX века предстают перед нами как динамичные развивающиеся системы, основными чертами которых являются:

1) появление новых общественно-политических наименований и терминов (напр., *народный цезаризм, пролетарская республика*);

2) семантико-стилистические дифференциации разных наименований, результатом которых могли быть следующие процессы: а) детерминологизация одних терминов и актуализация терминологических значений других специальных наименований. Например, в начале XX века вследствие функционирования двух терминов-дублетов *строй* и *устройство* возникла необходимость разграничения сфер их использования. В результате этого произошла частичная детерминологизация термина *устройство* в значении

‘государственный строй’; б) появление оценочной маркированности. Например, итогом дифференциации наименований *государственный строй* и *режим* стала актуализация семы негативной рациональной оценки, не зависимой от сферы употребления, в структуре денотативного блока значения лексемы *режим*;

3) синтагматически обусловленные преобразования в структуре значений общественно-политических лексем и терминов, которые могли сопровождаться сверхактуализацией уже имеющихся денотативных сем (напр., в сочетании *царское самодержавие* происходит двойная актуализация микрокомпонентов ‘власть’, ‘правление’ ‘самодержца’: *Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата* [291: 55]);

4) образование новых терминов и общественно-политических наименований посредством конкретизации родовых наименований, сопровождаемое общим расширением состава денотативного макрокомпонента с преимущественным семантическим уточнением дефиниции. Например, *самодержавный образ правления (Это предприятие «обновлённого» Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами из странных источников и широким сочувствием со стороны тех, кому желательно учредить на Св. Руси любезную мasonicким сердцам религиозную анархию, заменить Самодержавный образ правления конституционную тиранией и устранить русскую народность от её исторических прав первенства в Империи* [272: 597]), *конституционно-монархический строй (Для полного и действительного осуществления всех вышеуказанных начал необходимо утверждение конституционно-монархического строя с политической ответственностью министров перед народным представительством* [304: 192]), *демократическая республика (Лишь демократическая республика, лишь полное народовластие есть форма правления, достойная свободного народа...* [353, № 34: 1]) и т. д.;

5) вхождение каждой отдельной единицы в разнообразные типы системных отношений. В целом же специфическими особенностями системно-структурной организации наименований рассмотренных тематических групп являются: а) развитая система квазиантонимических отношений, являющаяся отражением полярных взглядов политических сил на будущее общественно-политическое устройство России; б) наличие двухуровневых родовидовых отношений, когда одна и та же единица могла выступать и как родовое, и как видовое наименование по отношению к разным словам (напр., лексема *республика* по отношению к

наименованиям *государственный строй* и *буржуазная республика*); в) наличие контекстуально детерминированной лексической квазисинонимии; г) малочисленные, но яркие случаи терминологической полисемии.

Общественно-полигический термин, употребляясь в текстах различных жанров, может выполнять разные функции. Так, в специальных текстах проанализированные термины могли выполнять дефинитивную и номинативную функции. Употребляясь же в текстах неспециального характера, данные наименования могли сохранять свой статус, однако дефинитивная функция утрачивалась, и термин начинал выполнять эстетическую и номинативную функции. В тех случаях, когда в структуре денотативного блока значения термина присутствовала сема логической оценки, термин мог выполнять наравне с дефинитивной функцией аксиологическую и прагматическую функции.

Для единиц ОПЛ рассмотренных ТГ характерно выполнение функций оценки, воздействия, а также эстетической и номинативной функций.

В третьей главе «Семантика и функционирование наименований субъекта верховной государственной власти в русском языке начала XX века» анализируются наименования главы государства в дореволюционной России.

В *параграфе 3.1.* исследуется единственно выявленное родовое наименование субъекта верховной государственной власти – *глава государства*.

В *параграфе 3.2.* анализируются видовые наименования. Следует отметить, что гипонимы в своём составе неоднородны и представляют собой совокупность трёх подгрупп лексики: «Наименования субъекта верховной государственной власти в монархическом государстве» (*пункт 3.2.1.*), «Наименования субъекта верховной государственной власти в демократическом государстве» (*пункт 3.2.3.*) и «Переходные явления в системе именованя субъекта верховной государственной власти» (*пункт 3.2.2.*). Первая из трёх подгрупп является самой многочисленной и включает в свой состав 6 лексических подмножеств, выделяемых на основании общности понятийного содержания (наименования с компонентом «царь», наименования с компонентом «самодержец», наименования с компонентом «монарх», наименования с компонентом «государь», нетерминологические наименования окказионального происхождения с компонентом «верховный» и прочие наименования).

В *параграфе 3.3.* рассматриваются системные отношения выявленных единиц.

В целом же в составе исследованной тематической группы было выявлено 36 единиц, из которых 16 являются терминами, а оставшиеся 20 – общественно-политическими наименованиями.

К особенностям функционирования наименований субъекта верховной государственной власти следует отнести семантическую амбивалентность микрокомпонентного состава коннотативного блока значения.

Лексика и терминология общественно-политической сферы представляют собой две обособленные и в то же время тесно взаимосвязанные динамично развивающиеся системы, основными чертами которых являются:

1) переосмысление уже существующих составных нетерминологических наименований. Например, сочетание *царь-освободитель* после 1905 г. стало употребляться по отношению к Николаю II (*Партия 17 октября сделала также самую грубую политическую ошибку, выразив своё сочувствие тому нарушению основных начал наших судебных уставов, каким являются полевые суды. Ведь царь-освободитель обещал нам равенство всех перед судом...*[263: 95]);

2) функционирование наименований, образованных на базе: а) сочетания терминов-квазисинонимов. Для данных единиц была характерна сверхактуализация изначально имевшихся денотативных микрокомпонентов. Например, общественно-политическое сочетание *царь-самодержец* содержит в структуре понятийного блока значения сверхактуализированные семы 'монарх', 'управляющий' 'неограниченно', 'самовластно'; б) распространения исходного термина, сопровождавшегося сверхактуализацией ключевых понятийных микрокомпонентов (например, *самодержавный царь* (двойную актуализацию получили семы 'управляющий' 'самодержавно', 'полновластно'), *государь самодержец* (сверхактуализированы семы 'глава' 'монархического' 'государства') и др.) либо расширением и конкретизацией семного состава денотативного макрокомпонента значения (например, в структуре значения наименования *царствующий государь* появляются семы 'управляющий' 'страной'; в составе же значения сочетания *самодержец всероссийский* актуализируются конкретизирующие понятийные микрокомпоненты 'управляющий' 'всей' 'Россией');

3) образование колоритных нетерминологических наименований окказионального происхождения на базе сочетания знаменательных и незнаменательных частей речи (например, сочетание *эх-царь: Цензуре, очевидно, не понравилась именно программность речей эх-царя* [347: 5]);

4) низкая семантическая связь слов-компонентов отдельных составных наименований (например, *царь-батюшка*, *царь самодержеца*);

5) фиксированная форма ед. ч. как лексико-грамматический индикатор общеизвестности персоны российского императора;

6) стилистическая возвышенность и книжность наименований, возникающая как результат: а) воздействия стилистически возвышенного контекстного окружения (например, общественно-политическое сочетание *самодержец всероссийский* в документах РНС им. Михаила Архангела: *Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому. В высокотожжественный ... день тезоименитства ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Главный Совет Союза Русского Народа ... повергает перед Вами ... поздравления и выражения ... непоколебимой преданности* [322: 602]); б) сочетания терминов-квазисинонимов в рамках одного устойчивого и неделимого наименования (например, *государь-император: Государь Император повелеть соизволил благодарить* Главный Совет и Отделы Союза Русского Народа за вознесённые в день Тезоименитства Его Величества молитвы и выраженные в их телеграммах чувства [322: 601]);

7) появление и функционирование метафорических составных нетерминологических наименований окказионального происхождения (например, *верховный хозяин всей земли русской, создатель самой Государственной Думы* и др.: ...<...>... *вследствие Государственной их (депутатов. – А.З.) мудрости, не могуцим утверждать ни бесполезных, ни тем более вредных законов для самого себя, т. е. для Народа Русского, а тем более не могуцим посягнуть на ограничение прав Самого Верховного Хозяина всей Земли Русской* ... [282: 376]);

8) немногочисленные, но выразительные примеры функционирования лексем в условиях искусственно созданного несоответствия контекста и семантико-стилистических характеристик наименования с целью актуализации семы 'ирония' в составе коннотативного макрокомпонента значения (например, сочетание *батюшка-царь* в документах Партии социалистов-революционеров (*Неужели же легенда о «царе-батюшке» сама собой исчезнет в народе, а мы всё будем верить в другую легенду — легенду о мужике, вечно надеющемся на царя-батюшку?* [271: 95]; *В то же время у крестьян развивается чувство осознания своих прав. Великая надежда мужика на своего батюшку-царя уже в достаточной мере улетучилась благодаря столь долгому и напрасному ожиданию, а также во многом из-за политики Александра III, который старался покровительствовать только дворянскому земледелию* [252: 133]); слово *монарх* в произведениях А.Ф. Кони (... *пламенно писал ему Лев Толстой, лишению которого христианского погребения синодом «возлюбленный монарх» не*

воспрепятствовал, купив одновременно с этим на выставке передвижников репинский портрет Толстого для музея в Михайловском дворце [374]; Неоднократно предав Столыпина и поставив его в беззащитное положение по отношению к явным и тайным врагам, «обожаемый монарх» не нашел возможным быть на похоронах убитого, но зато нашел возможным прекратить дело о попустителях убийцам и сказал, предлагая премьерство Коковцеву: «Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?» [374]; Монарх принял с благодарностью значок «Союза русского народа» и приказывал оказывать поддержку клеветническим и грязным изданиям черносотенцев [374]) и др.);

9) для общественно-политической лексики рассмотренной ТГ характерны квазисинонимические (в том числе и контекстуально обусловленные) отношения (например, *государь самодержец* – *самодержец всероссийский*). Примеры квазиантонимии и гиперо-гипонимии не выявлены. Достаточно представленной оказалась лексическая полисемия (например, *царь* – 1. ‘титул государя у восточных славян’ [Алексеев: 738]; 2. ‘первый, лучший среди остальных’; *монарх* – 1. ‘глава монархического государства’; 2. ‘первый, лучший среди остальных’ и др.).

Общественно-политическая терминология исследованной ТГ характеризуется развитой системой квазисинонимических связей (например, *монарх* – *император* – *царь* – *государь* – *самодержец*). Выявлены редкие, но яркие случаи терминологической гиперо-гипонимии (например, терминологическое сочетание *глава государства* является общим наименованием субъекта верховной государственной власти в странах с различными формами общественно-политического устройства. В качестве видовых наименований выступают следующие термины: *монарх*, *царь*, *государь*, *самодержец*, *самодержавный царь*, *государь император*, *президент*). Представленными оказались также и отношения терминологической квазиантонимии (например, *президент* – *монарх*, *самодержец*, *царь*, *государь*, *император* и др.).

В заключении изложены основные выводы и результаты исследования, даётся общая характеристика подсистем общественно-политической лексики и общественно-политической терминологии русского языка начала XX века, говорится о перспективах исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Родовые наименования форм государственного устройства в программных документах российских политических партий начала XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 88 – 94 (0,85 п. л.) (Список ведущих рецензируемых журналов ВАК РФ).

2. Объективация концепта «Деньги» в русском языке конца XIX – начала XX века // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. IV. Ч. 3. – СПб.: Наука, 2008. – С. 69 – 76 (0,6 п. л.) (Список ведущих рецензируемых изданий ВАК РФ).

3. Политические термины в программных документах русских политических партий начала XX века // IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25 – 28 сентября 2009 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009 г. – Т. 2: Морфемика, словообразование, грамматика. История языка и диалектология. Лингводидактика. Литературоведение и фольклористика. – С. 113 – 116 (0,3 п. л.).

4. Основные проблемы исследования словаря политической сферы периода конца XIX – начала XX века // Молодые исследователи – регионам: Материалы всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. В 2-х т. – Вологда: ВоГТУ, 2008. – Т. 2. – С. 216 – 218 (0,2 п. л.).

5. Объективация концепта "Деньги" в русском языке к. XIX – нач. XX века // Русский язык XIX века: эпоха новаций в русской языковой культуре (Санкт-Петербург, 21 – 24 октября 2008 г.). - СПб.: Наука, 2008. - С. 12 – 13 (0,1 п. л.).

6. Особенности функционирования общественно-политических терминов в русском языке начала XX века // Вузовская наука – региону: Материалы Восьмой всероссийской научно-технической конференции. 26 февраля 2010 г. В 2-х т. – Вологда: ВоГТУ, 2010. – Т. 2. – С. 281 – 283 (0,4 п. л.).

Загребельный Артур Владимирович

**ЛЕКСИКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XX В.
В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 21.10. 2010 г. Формат 60x84/16
Бумага для множительных аппаратов. Печать – ризограф.
Усл. печ. л. 1. Тираж 100 экз.

160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6, ВГПУ, издательство
Отпечатано: Филиал ФГУП «Рослесинфорг» «Севлеспроект»
160014, г. Вологда, ул. Некрасова, 51.

